Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 6. **ИЮНЬ, 1920 г.** **№ 6.**

Содержание. Английский судья.—Практическое предложение.—Ценность.—Библиография.

АНГЛИЙСКИЙ СУДЬЯ.

„Вот приедет барин,
„Барин нас рассудит".
Некрасов.

Приехали в Россию представители английских рабочих организаций с очень определенной целью—изучить современное положение России.

Мы же, россияне, вместо того, чтобы толково помочь им в этом деле, произвели их в судей над нашими делами, *в барина, приехавшего рассудить нас.*

Наши правящие круги с места в карьер предложили нашим гостям судить „захватнический империализм" правительства их собственной страны и союзных с ней государств и вынесли соответствующую торжественную резолюцию.

Приезду английских гостей обрадовалась и об'единенная оппозиция и привлекла к их суду наши внутренние порядки.

Такой именно характер носило общее собрание московских печатников, имевшее место 23-го мая в зале консерватории.

Тут представители политических партий с усиленным ожесточением и похвальной откровенностью стали изобличать друг друга в тягчайших злодеяниях.

Представитель красных коммунистов нанес неотразимый удар меньшевикам, напомнив, что в 1918 году в Петрограде они примкнули к „союзу защиты свободы печати", в котором принимали участие,—может ли быть более предательское „социал-соглашательство,"—издатели газет. Но тот же коммунист совершенно упустил из виду доказать, что его партия, у власти, никаких сделок не предлагала иностранным капиталистам в виде концессий, не пользуется услугами русских предпринимателей, как поставщиков государства, не скрепляло дружественных отношений с коронованным азиатским монархом.

Меньшевики со своей стороны без церемоний изобличили все правительственные гонения и насилия. Одно только они забыли пояснить: какими средствами они будут править сами, если добьются власти и проявят волю удержать ее? Не теми же гонениями, преследованиями, запретами, тюрьмами, быть может и одиночными расстрелами, и вооруженным подавлением мятежей?

Может ли иначе существовать власть? Мыслима ли она без насилий?

Сам Чернов,—„гвоздь" собрания,—выступивший с изобличительным сравнением нынешних властителей с прелатами первых веков христианства, исказивших до неузнаваемости коммунистическое учение Христа, не превратится ли тоже в такого же прелата, став у власти?

Судья, представитель английских печатников, вынес мудрый приговор, но был ли он понят всеми?

„У нас тоже",—сказал он приблизительно,—„существуют политические партии, но мы не подпускаем их к своим делам. Мы предпочитаем вести борьбу за лучшее будущее сами, на экономической почве".

Так рассудили английские рабочие, стоящие и поныне на единственно правильной платформе Первого Рабочего Интернационала, не смотря на последующую подделку его политическими партиями под названиями 2-го и 3-го интернационала.

Этот приговор в особенности следует усвоить товарищам меньшевикам, воображающим себя хозяевами московского Союза Рабочих Печатного Дела. Масса печатников об'единилась не для того, чтобы послужить им помостом для их шествия к власти, а для защиты своих экономических интересов, и менее всего интересуется их политическими догматами.

В этом должна была их убедить бурная овация, устроенная Чернову, когда общее собрание печатников узнало его имя.

Московских печатников об'единила вокруг них оппозиция к власти, а не жажда власти.

Этого не должен был забыть председатель Союза, выступивший на собрании не как член профессиональной организации, а скорее как член политической партии.

Этот самый совет, в сущности, дал ему и представитель английских печатников своей ответной речью.

Не их учить, а учиться нам нужно у англичан.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Не могли ли бы английские гости, одновременно с изучением нынешней России, организовать и некоторую действительную *взаимную помощь* обеих стран в деле хотя бы частичного товарообмена?

Им нужен хлеб, нашим печатникам —их полуфабрикат, бумага.

Не могли ли бы они наладить отправку нашим союзам печатников некоторого количества вагонов бумаги на особо разработанных условиях кредита и обезпечения?

Но бумага должна быть отправлена *в непосредственное распоряжение* самих печатников, а не в руки правительственных органов.

Получив бумагу, мы стали бы печатать буквари для народа, за которые крестьянин охотно нам даст хлеб. Этим хлебом мы поделимся с английскими рабочими.

Попади бумага в государственный котел правящей партии, она ухлопает ее на партийную литературу. А на этого рода „товар" нет спроса, крестьянин не берет его даже даром и хлеба за него не даст.

Если английская делегация пойдет на встречу этому практическому предложению и войдет в переговоры с московским Союзом Рабочих Печатного Дела, то нам наверное легче удастся получить от правительства *концессию* (т. е. уступку) для русских рабочих союзов на самостоятельное самоснабжение.

Профессиональные союзы могут выполнить то, что бессильна была осуществить политически безпомощная кооперация.

Мы обращаем серьезное внимание английской делегации на это предложение, если только международная солидарность рабочих не пустой звук и не платоническое пожелание.

ЦЕННОСТЬ.

Два ученых профессора, Шарль Жид и Ш. Рист, бросили анархизму тяжкое обвинение: „Что касается до законов ценности, сообразно с которыми происходит ныне распределение богатств и которые экономисты считают непреложными и необходимыми, то у анархистов они вызывают улыбку, или лучше сказать, анархисты не интересуются ими" *).

Такое обвинение в невежестве и ограниченности со стороны ученых, у которых была в руках книга Кропоткина „Хлеб и Воля" (они упоминают о ней в своем труде) едва ли свидетельствует о вдумчивом изучении вопроса—как относится анархизм к понятию об экономической ценности.

Один из них, Шарль Жид, в своем руководстве по политической экономии, поясняет природу ценности следующим примером:

„Предположите, что... благодаря безконечному прогрессу науки и промышленности все предметы стали бы так же обильны, как вода в источниках или прибрежный песок, и что людям для удовлетворения своих желаний ничего не осталось бы, как черпать их сколько угодно,—не очевидно ли, что все вещи при таком допущении, в силу их изобилия, потеряли бы всякую ценность?..

„И мы приходим к тому выводу, что в подобном строе... социальное богатство достигло бы своего максимума и, тем не менее там не было бы богатых, ибо тогда все люди были бы равными перед нулевой ценностью вещей, как ныне король и нищий равны перед солнечным светом".

Не схожий ли вывод вытекает из книги „Хлеб и Воля" Кропоткина относительно *ценности*? И не туже ли мысль он еще обстоятельнее обосновал в „Полях, фабриках и мастерских", не a priori, не предположительно, а изучением обширного фактического материала?—изучением не того, что *может быть*, а того, что в значительной части *уже есть*.

Если бы ученые профессора критиковали анархизм с этой чисто экономической точки зрения и доказывали, что анархистский идеал доведения до нуля меновой ценности вещей,—допускаемое теоретически и политической экономией, как мы видели по вышеприведенной выдержке,—неосуществим в непосредственном будущем, то это было бы их правом.

На это мы должны прежде всего заметить, что анархизм ведь *не назначает срока* для осуществления своего идеала, а лишь *намечает* научно обоснованную цель для достижения.

Мало того. Кропоткин сам указал необходимое условие для осуществления цели: „без большого повышения производительности труда" (следовательно и *обилия* продуктов) „социализм невозможен", говорит он.

В приводимом же примере Шарль Жид ставит условием не простое обилие, а *неограниченное изобилие* воды в источниках для неограниченного потребления.

Так ли на самом деле?

Возьмем мы тоже пример с водой.

Водоснабжение составляет одну из главных забот муниципальных хозяйств, количество располагаемой городами воды далеко не безпредельно, а между тем ея потребление каждой семьей в отдельности

*) История эконом. учений, рус. пер., стр. 371.

количественно не контролируется и фактически неограничено. Каким образом воды все таки хватает для всех? По той простой причине, что никто не открывает краны, чтобы дать воде утечь зря. А если и встречаются такие несуразные люди, то число их должно быть так ничтожно, что количество расхищаемой ими воды проходит незамеченным в общей массе нормального потребления.

Такое коммунистическое потребление предмета самой первой необходимости, как вода, возможно при *обыкновенном обилии*, а не только при *безграничном изобилии*, как предполагают экономисты.

То, что осуществлено уже по отношению к воде, не осуществимо ли и относительно других продуктов, как, например, хлеб, когда у нас его будет не в неограниченном, а лишь в обильном количестве?

Предположение о хлебе не только возможно, но отчасти даже находило практическое приложение. Кто не помнит, что до мировой войны, доведшей человечество до нищеты, в самых обыкновенных общедоступных столовых и ресторанах хлеб подавался без ограничения даже к скромному завтраку? И все же содержатели ресторанов не терпели убытков.

Почему? Да по той простой причине, что потребности людей тоже имеют свои пределы.

Так же неограничено было и потребление соли за столом.

Не экономистам бросать укор анархизму, что он игнорирует экономические законы ценности. Напротив, анархисты имеют полное право их обвинить в односторонности, —в том, что указывая на ограниченность предметов потребления, как на условие, определяющее ценность, они совершенно игнорируют одновременную ограниченность человеческих потребностей, вследствие которой достаточно, чтобы данный предмет потребления имелся *не в неограниченном количестве*, а лишь *в размере, превышающем сумму потребностей*, чтобы экономическая ценность этого продукта не ограничивала его потребление.

При современной высокой технике, как в промышленности, так и в земледелии у цивилизованных народов разве это уже такой далекий идеал, чтобы считать его за утопию?

БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. Сандомирский. — Торжество антимилитаризма. (К истории анархистского движения). — Москва, 1920 г., 64 стр.

В то время, когда волны мировой войны не улеглись еще, когда исполнение статей Версальского договора подкрепляется вооруженной силой и западная Европа лишь приближается к прежнему состоянию „вооруженного мира", когда на востоке Россия довела милитаризм до высших пределов и ведет безпрерывные войны на многих фронтах, странно звучит возвещаемое этой брошюрой „торжество антимилитаризма".

Подзаголовок—(к истории анархистского движения)—не более поясняет заглавие. Только при дальнейшем чтении выясняется, что автор, на основании исхода мировой войны, задается более скромной целью—„исчерпать до конца наши глубокие разногласия с оборонцами". Под „нашими" подразумевается, понятно, *циммервальдистская* тактика по отношению к *факту* войны. Но даже в этой ограниченной области автор старается лишь подкрепить старую циммервальдистскую позицию и не пытается установить *торжество антимилитаризма* хотя бы только в тесной анархистской среде. Тем не менее постановка на обсуждение забытого вопроса под новым освещением исторического опыта, задача более чем своевременная и нужная. Цивилизованное человечество далеко еще не исжило стадию международных, правильнее выражаясь, *междугосударственных* войн и теперь для анархистов—не менее, чем в начале великой войны—вопрос об отношении к войне остается открытым жгучим вопросом.

К сожалению, метод выбранный автором,—легкий метод полемики по цитатам обрывков мыслей своих противников-оборонцев и почти полное игнорирование эволюции, проделанной циммервальдистами за последние годы (по крайней мере в России), *не исключая анархистов этого направления*, —менее всего способно привести к ликвидации „наших разногласий".

При этом и платформу для своей полемики автор выбрал весьма неудачно. Анархистов-милитаристов нет, есть только *анархисты-оборонцы* по своей тактике и *анархисты-циммервальдисты*, прозванные, по неизбежным последствиям своего отношения к войне „пораженцами".

Вместо возобновления устаревшего словопрения (поведение людей не всегда определяется идеологией, а очень часто диктуется им инстинктом, называемым *здравым смыслом*), не лучше ли было бы обратиться к наблюдениям над той самой средой, разногласия которой автор задался целью исчерпать.

Казалось бы опыт мировой войны достаточно *практически* убедил, какая из тактик была более правильной. Анархисты-циммервальдисты в своих взглядах ничуть не отмежевывались от социал-демократов

циммервальдистов. „Мужественный" Либкнехт-сын был им ближе по духу, чем Кропоткин. А между тем к чему привел плачевный исторический опыт с.-д. циммервальдистов? Господа положения в России, продолжают ли они свою проповедь „втыкания штыков в землю" перед наступающими армиями крестьян и рабочих других стран, „одетых в солдатские мундиры"?

Сами анархисты, приобревшие в известной части Украины достаточное влияние на население, не организовались ли по военному и не ведут ли форменную *оборонческую* войну за свое независимое существование?

Продолжая смешивать милитаризм и оборончество, едва ли можно исчерпать наши разногласия.

Если бы автор поставил конкретный вопрос: как нужно было отнестись к наступлению Деникина, и дал бы на него ответ, то он пролил бы бо́льший свет на спор, чем всей своей долгой полемикой. Он этого не сделал, но мы вполне понимаем ту часть наших французских, бельгийских и английских товарищей, которые нашли германского кайзера не более приемлемым, чем многие русские анархисты, бывшие циммервальдисты,—белогвардейцев старого закала.

Анархистов-милитаристов никогда не было и ни один из оборонцев не отказался от своей критики милитаризма, не отказавшись одновременно от анархизма. Оборонцами же в принципе анархисты-революционеры были всегда. Замечательно, что в этом отношении Элизе Реклю не противопоставляет даже революцию войне. „Достоинство гражданина", говорит он, „может при известных обстоятельствах потребовать от него, чтобы он воздвигал баррикады, *защищал свою страну* (курсив наш), свой народ или свою свободу; но он не должен воображать, что хотя малейший вопрос мог быть отдан на неверное решение ружейных пуль" *).

Вся сущность разногласий между циммервальдистами и оборонцами, и внутренняя трагедия у тех и у других, проистекает из того, что анархисты представляют из себя слишком ничтожную силу для самостоятельной организации самообороны. Оборонцы, более практичные, выбрали из двух зол меньшее и подчинили *по неволе* свою тактику тактике государственной власти своих стран, тогда как циммервальдисты обрекли себя тактике толстовского непротивления злу, так как там, где грохочут пушки, слово глохнет.

*) „Эволюция, революц. и идеал анарх." Моск. изд. 1917 г., стр. 25.

Идеология и аргументация оборонцев для об'яснения своей тактики имеют второстепенное значение по сравнению с необходимостью *принять немедленное решение*. По миновении острого периода войны, естественно, отпадает и слияние анархистов с государственной обороной.

„Мы не располагаем материалами, из которых можно было-бы заключить об отношении оборонцев к Версальскому миру", говорит автор брошюры, и тут же делает свои выводы и приводит выдержку из частных писем „одного из видных оборонцев". Оставив в стороне вопрос—допустимо ли с этической точки зрения ссылка на письма, не предназначенные для печати, из выводов автора брошюры все же проглядывает, что „видный оборонец" смотрит на Версальский мир, как на мир между государствами, и следовательно, может лишь об'яснять, а не защищать его.

Разногласия между анархистами-оборонцами и циммервальдистами исчерпаются лишь тогда, когда анархистское движение приобретет достаточную мощь, чтобы вступить самостоятельной силой в войны между государствами, и именно, в смысле самостоятельной самообороны. А до тех пор *практический вопрос* будет разрешаться различно в зависимости от личного темперамента отдельных анархистов и внешней обстановки той или другой войны.

До тех пор пока анархистское движение не станет самодовлеющей силой, мы будем наблюдать явления в роде того, что вчерашние циммервальдисты находились в передовых рядах в войнах с Деникиными и Колчаками.

Скоро ли можно расчитывать на ликвидацию государственного милитаризма и торжество анархистского оборончества? —Последнее, при наличности разных ступеней развития различных народов, едва-ли устранится в нашу историческую эпоху.

При необычайно быстром ходе событий, все глубже подрывающих уже самую сущность государственной власти, разве расчет на близкое торжество анархизма был бы бо́льшей утопией, чем живая национально-капиталистическая утопия Советской России?

К сведению читателей.

„Почин" высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№*.

—Отчет о суммах, поступивших со времени выхода № 5, будет помещен в следующем номере.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219
Тов. А. А. Карелину.